

Лицо Ся Хуайяня было бледным как мел. Дело было не в том, что у него совсем не было самоуважения, и не в том, что он не испытывал стыда и досады.

Просто сейчас, казалось, не оставалось другого выхода.

Опустив голову, он посмотрел на кожаные туфли мужчины и дюйм за дюймом пополз к его ногам.

Ему нужно было просто во всём подчиняться — всю жизнь он поступал именно так.

Ся Хуайянь немного пришёл в себя. Подавленный аурой и давящим присутствием мужчины, он тихонько опустился на колени, надеясь получить хоть какой-нибудь отклик.

— Сколько раз Ся Сичэн использовал тебя для подобных сделок?

Холодный носок туфли мужчины упёрся ему в подбородок, словно на раскалённую от палящего солнца землю плеснули холодной воды.

Крупницы сознания и остатки разума, которые Ся Хуайяню с таким трудом удалось собрать, вмиг рассыпались в прах, а лицо Цзи Цинье перед глазами начало расплываться.

Он уже почти не воспринимал слова, но тонко чувствовал, что мужчина сердится, хотя и не понимал, чем именно тот недоволен.

Цзи Цинье на мгновение отвлёкся, глядя на эту красную родинку.

Ся Хуайянь осторожно прижался щекой к ладони Цзи Цинье, жадно вдыхая неприятный запах табака, оставшийся на его коже.

Его затуманенные глаза казались пьяными, но от него не разило алкоголем — один взгляд на него давал понять, что перед приходом сюда он что-то принял.

В этот момент Ся Хуайянь уже ничего не соображал. Никогда прежде он не находился в столь бессознательном состоянии.

Однако в этот самый момент телефон во внутреннем кармане завибрировал, вернув его мысли в реальность.

Чем помочь? Хватило бы и того, что он просто подержит его за руку.

Бессознательно потеревшись о холодную кожу туфли, упирившейся ему в подбородок, он

произнёс мягким, нежным голосом:

— Я правда никогда не участвовал в таких сделках...

Он только попытался подняться, как Цзи Цинье неожиданно перехватил его за руку.

Эта неуклюжая осторожность и излишняя болтовня сейчас были не чем иным, как инстинктивной попыткой угодить.

Он не знал, что Цзи Цинье сердится, и не понимал, что ведет себя крайне непослушно. Опустив голову и храня молчание, он чувствовал себя абсолютно счастливым лишь оттого, что ему удалось коснуться руки Цзи Цинье.

— Ч-что? — Ся Хуайянь запнулся. Его мозг сейчас соображал с трудом, и лишь подумав немного, он понял, что собеседник спрашивает его имя.

Цзи Цинье ощутил нарастающее раздражение. Резко выдернув руку, он ущипнул его за щеку и произнёс его имя:

— Ся Хуайянь.

— Меня зовут Ся Хуайянь, — боясь, что Цзи Цинье расслышит нечётко, он тут же пояснил: — Ся как лето, хуай как объятия, янь как дикий гусь.

Тело Ся Хуайяня, дрожавшее от страха, мгновенно окоченело, стоило Цзи Цинье произнести его имя.

— Имя.

Он хотел попросить Цзи Цинье о помощи.

Ся Хуайянь всё это время опускал голову, поэтому Цзи Цинье слышал лишь его голос да видел незащитный изгиб шеи. На белой коже отчётливо выделялась крошечная бледная родинка.

Хотя это лицо действительно было красивым.

Но красота никогда не служила для него пропуском, особенно когда такой красивый глупец лучше всего подходил лишь для того, чтобы «бросить его псам на съедение».

Цзи Цинье слишком часто видел подобные трюки, и они вызывали у него лишь лёгкое отвращение. Он прекрасно знал, что так поступать неправильно, и от этого осознания ему

становилось лишь страшнее, но чем сильнее был страх, тем глубже он погружался в пучину в пространстве, где находился Цзи Цинье.

Он запрокинул лицо, закусив губу, а растрёпанная чёлка, смоченная выступившим на лбу потов, обнажила маленький светлый шрам. Его лицо казалось готовым расплакаться в любую минуту.

Он будто сильно боялся, но в то же время проявлял упрямство.

Цзи Цинье на секунду опешил, замер, нахмутив брови:

— Ты...

Он не успел договорить, как наивная и робкая теплота чужих губ оборвала все вопросы, которые он хотел задать.

В тот момент физические инстинкты заставили Ся Хуайяня прикоснуться к нему. Он думал, что тот разозлится, но пока в голове еще теплилось сознание, он услышал, как Цзи Цинье нежно произносит его имя прямо у него на ухе.

Это наверняка сон.

Мужчина всегда был таким суровым, разве мог он так хорошо относиться к тому, кто посмел его оскорбить.

Эта ночь прошла в полумраке, перескакивая из одного сна в другой.

Ся Хуайяню приснился старший брат, с которым он познакомился в детстве, когда еще жил в богатом районе. Позже мама увезла его жить в деревню, и он не успел попрощаться с братом, расставшись с ним навсегда, после чего больше никогда не поддерживал с ним связь.

То было одно из немногих счастливых воспоминаний его детства.

Как и жизнь в деревне.

Капуста с морковью, которую готовила мама, была невероятно вкусной — сладковатой, мягкой и нежной.

Тогда мама еще очень любила улыбаться и хвалила его за то, что он хороший мальчик.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как он вернулся в семью Ся, и всё изменилось.

Сны Ся Хуайяня были сплошной неразберихой, в них переплелось множество вещей.

Ему вечно снилось подобное — изо дня в день повторялся один и тот же кошмар, прекрасный, но оттого не менее удушающий.

Впрочем, сегодняшний сон был несколько необычным: в самом конце Цзи Цинье легко хмурил брови и с терпением переспрашивал его:

— Разве не ты сам проявил инициативу? Чего ты плачешь?

Ся Хуайянь не мог разглядеть его лица и не мог ответить, на этом сон и закончился.

Два часа ночи в разгар лета, небо окутал глубокий мрак.

Цзи Цинье стоял на балконе в халате и курил, оранжевый огонек то вспыхивал, то гас под порывами летнего ветра.

Выкурив две или три сигареты одну за другой, Цзи Цинье услышал доносившиеся из комнаты тревожные всхлипывания, после чего вошел внутрь и закрыл балконную дверь.

Ся Хуайянь, казалось, видел какой-то сон: его личико было мертвенно-бледным, он тихо плакал, но никак не просыпался.

И оставалось только гадать, что же ему там снилось.

— Ся Хуайянь.

Цзи Цинье окликнул его, стоя на месте, и человек на кровати мгновенно затих.

Однако слёзы покатались из уголков глаз и затерялись в волосах.

Такой послушный, и от этого вид у него становился еще более жалостливым.

Цзи Цинье присел на краешек кровати, откинул со лба его волосы и снова увидел тот самый шрам.

Его подушечки пальцев легли на шрам, легонько поглаживая его, пока он о чем-то размышлял.

Ся Хуайянь шевельнул бровями и потерся о его ладонь.

Только что так горько плавал, а теперь спал крепким сном.

Настолько беззащитный и погруженный в глубокий сон, что, пожалуй, если бы кто-то унес его тайком прямо среди ночи, он бы даже не заметил.

Это был второй раз в жизни, когда Цзи Цинъе отвлекся на постороннего человека.

Он взял телефон, пристально глядя на спящего на подушке Ся Хуайяня, и произнес в трубку:

— Пробей одного человека.

<http://bllate.org/book/22055/2293378>